

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОНИМАНИЯ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ

Георгий Леонидович Ильин,

профессор кафедры дошкольной педагогики МПГУ, доктор педагогических наук

В СТАТЬЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОСНОВНОГО ПОНЯТИЯ ПСИХОЛОГИИ — ДУШИ — С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ И ВЫХОЛАЩИВАНИЕ ЕГО В ИССЛЕДОВАНИЯХ КАРТЕЗИАНСКОГО ПОНИМАНИЯ НАУКИ ПО МЕРЕ ПОЯВЛЕНИЯ КАТЕГОРИЙ СОЗНАНИЯ, БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО, ПОВЕДЕНИЯ, ГЕШТАЛТА, ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ЛИЧНОСТИ, ИЗМЕНЁННОГО СОЗНАНИЯ. УТВЕРЖДАЕТСЯ НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОТКИ УЧЕНИЯ О ДУШЕ НА ОСНОВАХ СОВРЕМЕННОГО ПОНИМАНИЯ НАУКИ НЕ КАК СПОСОБА ОТКРЫТИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ ЗАКОНОВ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА, А КАК ПРОЕКЦИИ ДУШИ ЧЕЛОВЕКА НА ОКРУЖАЮЩИЙ МИР.

Термин «психология» означает «наука о душе». Именно душа, казалось бы, является предметом психологии как науки. Но что означает слово «душа» и как оно понималось в разные времена?

Появление представления о душе следует отнести к важнейшим особенностям, обусловившим отделение первобытного человека от животного мира. Появление культа мёртвых сородичей отличает человека от животных, у которых отсутствует забота об умершем. Эта забота — выражение представления о загробной жизни покойного, о существовании в иной форме, которая и получила название души. Постепенно в первобытных представлениях душой стали наделяться все окружающие предметы и явления природы: от камней и деревьев до порождений собственной психики — вещие сны, галлюцинации. Так сформировался **анимизм** — одушевление предметов и явлений природы, а также самого человека.

Со временем душа приобрела **самостоятельное** существование — древнеиндийское учение о реинкарнации предполагает переход души из одного телесного существования в другое. Древние египтяне верили, что души умерших спускаются в подземное царство, где их ждёт суд Осириса, решение которого определяется их образом жизни на земле. Вера в то, что, в конце концов, душе предстоит возвращение

в её тело, проявлялась в бальзамировании умерших и в постройке пирамид — хранилищ тел. В древнем Египте существовало учение о том, что душа (Ка) каждого человека после смерти проходит взвешивание, при этом определяется соотношение добрых и недобрых дел, совершённых человеком при жизни. Чтобы быть допущенным до этого взвешивания, Ка должна пройти через процедуру «исповеди» (своего рода «морального кодекса» Древнего Египта, описанного в «Книге мёртвых»). Это учение отразилось в представлениях греческих философов — Пифагора, Гераклита.

Со временем возникает **гилозоизм**, учение о всеобщей одушевлённости мира. В отличие от анимизма, наделявшего душой отдельные объекты окружающего мира, гилозоизм говорил о проявлении души-разума в каждой вещи и явлении. Отношение анимизма и гилозоизма аналогично отношению многобожия и монотеизма в религии. Гилозоизм характерен для ранней древнегреческой философии, известной как натурфилософия (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Эмпедокл), он снимал принципиальное различие между неорганической и живой природой.

В эпоху Возрождения гилозоизм под влиянием концепций античных мыслителей используется в качестве аргумента при обосновании единства человека и природы (Б. Телезио, Дж. Бруно, Т. Парацельс). Так, Дж. Бруно

утверждал, что мировая душа как принцип жизни, как духовная субстанция находится во всех без исключения вещах, составляя их движущее начало. Спиноза признавал мышление свойством, присущим всей природе, атрибутом материи. Положение о всеобщей чувствительности материи отстаивали французские материалисты XVIII в. (Д. Дидро, Ж. Робине, П. Кабанис). Точку зрения, близкую гилозоизму, защищал Э. Геккель, автор биогенетического закона. Гилозоистом был Гёте как натуралист. К гилозоистам могут быть отнесены представители «русского космизма» (Н. А. Бердяев, Е. П. Блаватская, В. И. Вернадский, Н. А. Рерих, А. В. Сухово-Кобылин, Н. Ф. Фёдоров, П. А. Флоренский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский).

Ранние представления гилозоизма способствовали возникновению **объективного идеализма**, впервые описанного в работах Платона, — концепции о двух состояниях мира: бытии и небытии. Небытие означало, что всё существующее — несовершенно: меняется, рождается и погибает, т. е. подвержено смерти. Бытие, напротив — состояние, из которого исходит и к которому приходит небытие, состояние идеальное, совершенное, неизменное, а стало быть вечное. Оттуда приходят при рождении и туда уходят души людей после смерти, сохраняя бессмертие. Аристотель, не разделяя воззрений Платона, также считал бессмертной разумную часть человеческой души, в отличие от души чувственной, присущей животным, и вегетативной, свойственной растениям.

В средневековых христианских религиозных представлениях о душе продолжается платоновское разделение мира на бытие и небытие, только речь идёт о **жизни земной и жизни вечной**. Предполагается, что земная жизнь верующего является лишь подготовкой к жизни вечной, однако вечная жизнь зависит от земной, оценка которой в конечном счёте осуществляется двузачно — человека ожидает либо ад, либо рай, в соответствии с делами его в земной жизни. Будущая судьба души находилась в руках самого человека, а оценка его жизни, от которой зависела судьба его души, разумеется, в руках религиозного общества. Хотя, конечно, сохранялась и вера в высший, божий суд. Считалось, что Бог даёт душу каждой твари (т. е. своему творенью) и вправе судить о том, как она распорядилась этим даром. Но божий суд вершили на земле его представители. Налицо сходство египет-

ских и христианских представлений о судьбе души до и после смерти.

В период Возрождения изменилась роль человека в мире. Из существа, отягощённого первородным грехом, наказанного богом, изгнанного из рая, «сосуда греха», каким его представляла идеология средневековья, он объявлялся существом, ради которого создан мир, существом, способным достичь состояния «образа и подобия божьего», как говорилось в одной из первых глав Ветхого Завета. В «Речи о достоинстве человека» Пико делла Мирандола, философ эпохи Возрождения, провозглашает: *«Тогда принял Бог человека как творение неопределённого образа и, поставив его в центре мира, сказал: «Не дам мы тебе, о, Адам, ни определённого места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определён в пределах установленных нами законов. Ты же, не стеснённый никакими пределами, определишь свой образ по своему решению. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы отсюда тебе было удобнее обозревать всё, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтёшь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные»¹*. Это было иное толкование Ветхого и Нового Завета, провозглашавшее грядущие изменения в познании мира, изменения роли человека в мироздании. Во всяком случае, следует констатировать, что человек в период Возрождения, после Средневековья, наряду с душой, обрёл **свободу мышления** в лице лучших своих представителей.

С появлением науки в Новое время представления о душе приобрели иной вид. Она перестала быть единственным центром, управляющим поступками человека. В учении Р. Декарта душа выступила в роли одного из двух побудителей движений тела — помимо душевных движений, определяющих поступки человека, им стали внешние раздражители. Так возник дуализм тела и души, основанный на двух механизмах работы организма —

¹ Пико делла Мирандола. «Речь о достоинстве человека» // Мировая философия. Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2001. С. 318–332.

рефлексах и рефлексии: первые основаны на связи реакций тела с внешними раздражителями, вторые — на размышлениях над ними. Рефлексия стала основой **сознания** — новым предметом психологии. Сознание означало осознание (рефлексию) происходящего во внешнем и внутреннем мире человека. При этом сознание не было тождественным душе, сознание было проявлением души. В сознании к душе в учении Декарта относились разве что врождённые идеи (божественные), в отличие от приобретённых. Как писал Т. Маккенна, представитель современной трансперсональной психологии, «душа планеты, которую христианский монотеизм свёл к размерам человеческого существа, вообще уничтожена наследниками картезианского рационализма²». Справедливость этого утверждения доказывает дальнейшая история психологии.

В Англии Д. Локк развил учение о рефлексии, введя термин «ассоциация», ставшее основным в исследовании психических явлений на протяжении двух веков. Предполагалось, что все мысли в голове человека являются ни чем иным, как ассоциациями идей по поводу ощущений, возникающих в результате воздействия внешних раздражителей или воспоминаний о них. Сознание стало способом осуществления ассоциаций. Это учение явилось основой работ других английских исследователей (Дж. Беркли, Д. Юма, Д. Гартли) — **субъективных идеалистов**. Крайним его выражением стало утверждение, что внешний мир как постоянная реальность не существует, а если и существует, то зависит от представлений человека, его опыта (субъекта, как называли его философы). Выразителем последнего варианта в континентальной Европе стал А. Шопенгауэр, написавший книгу «Мир как воля и представление».

Работы В. Вундта, основоположника и организатора экспериментальной психологии как науки, отличает **двойственность**, идущая от Декарта: с одной стороны — физиологическая психология, с другой стороны — духовная (культурная) психология народов. Первая предполагала анализ индивидуального сознания с помощью экспериментально контролируемого наблюдения субъекта за собственными ощущениями, чувствами, представлениями

в процессе специально тренируемого самонаблюдения. Вторая исключала

экспериментальное исследование высших психических функций (памяти, мышления, речи — проявлений духовной жизни) и основывалась на изучении «психологии народов», т.е. на психологических аспектах культуры: языка, мифов, нравов.

Представление о сознании как вместилище всех психических явлений, ведущее начало с Декарта, было подвергнуто сомнению Г. Лейбницем, различившем перцепцию (восприятие вещей, во многом неосознаваемое) и апперцепцию (их осознание). О бессознательном в мировосприятии писал Шопенгауэр. Но наибольшую выразительность оно получило в работах З. Фрейда. Введение бессознательного в психологию означало не только разделение психики на сознательную и неосознаваемую или бессознательную. Фрейдовское **бессознательное** отличала его асоциальность, которая выражалась в сексуальном инстинкте, пронизывающем все проявления жизни человека — от сновидений до веры в бога. Оно явилось результатом вытеснения психического содержания из области сознания, выступило своего рода альтер-эго, Люцифером, низвергнутым Богом, но продолжающим действовать.

Бессознательное Фрейда не означало рефлекторную, неосознаваемую часть активности индивида, которая может быть осознана по мере необходимости. Это было совершенно особое понимание психики, которое не сводилось к сознанию, более того, противостояло ему, проявляясь в сновидениях, оговорках, шутках, в художественном творчестве, в особенностях развития ребёнка, поступках взрослого, наконец, в развитии общества в целом, которое Фрейд объявил невротическим, т.е. переживающим разделение сознательного и бессознательного в своём мировоззрении. Это понимание на многие годы определило понимание предмета психологии, которое приобрело, помимо души и сознания, ещё одну ипостась — бессознательное.

Радикально новым было понимание предмета психологии, заявленное Д. Уотсоном, — объективно наблюдаемое **поведение**. Это понимание психики (бихевиоризм) предполагало полный отказ от традиционного представления о явлениях сознания, которые объявлялись несуществующими, и тем самым — от традиционного понимания психических явлений. Бихевиоризм был реакцией на экспериментальное изучение явлений сознания

² Маккенна Т. Пища богов. Поиск первоначального древа познания. М.: Изд. Трансперсонального института, 1995.

в лабораториях, созданных под влиянием Вундта, в которых испытуемыми выступали сами подготовленные исследователи («специальное самонаблюдение»). Объектами исследования выступили животные, поведение которых предполагалось более понятным. Несомненно, проект Уотсона появился под влиянием исследований И.П. Павлова на собаках, только Павлов шёл в своих исследованиях от животных к человеку, тогда как Уотсон — от человека к животным, объявляя человека «большой белой крысой». «Поведение» позволило уравнивать человека с животными, но при этом разумная душа была выброшена из психологии вместе с сознанием.

Другая модификация предмета психологии представлена в гештальтизме. В отличие от бихевиоризма, гештальтизм не отбросил сознание, а, напротив, углубился в его исследование. **Гештальт**, открытый гештальтистами, был не просто элементом сознания, вроде ощущения, восприятия, представления, но его структурой, подобной структурам физического мира, которые он отражал и выражал. Гештальтисты обнаружили, что вещи и явления в мире связаны отношениями, образующими структуры (гештальты), и сознание в форме мышления человека способно обнаруживать и устанавливать их. Переход от одной структуры к другой совершался разом, внезапно (инсайт). Это было открытие безобразного мышления, мышления без чувственных образов. Впрочем, К. Коффка обнаружил, что способностью различать отношения вещей обладает даже курица. Но и у гештальтистов, как и у бихевиористов, о человеческой душе не было ни слова.

Несколько позднее и как реакция на фрейдизм, бихевиоризм и гештальтизм в советской психологии возникает марксистская теория деятельности. Деятельность понималась как активность существа, имеющего потребности, мотивы, цели и ищущего средства их достижения. В теории деятельности было провозглашено, в пику бихевиористам, единство сознания и деятельности, т. е. поведение (деятельность) объявлялось неотделимым от сознания (принцип был сформулирован С.Л. Рубинштейном в статье «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса»). Но равным образом данный тезис действовал и против фрейдистов, не оставляя места бессознательному (деятельность и сознание, ничего более).

В результате сознание было отождествлено с деятельностью, примерно так же, как это

было сделано Декартом, отождествившим сознание с психикой. Но если в концепции Декарта душе отводилось почётное место, роль наблюдателя и управителя, то в теории деятельности душе места не было вовсе. Один из разработчиков теории деятельности, А.Н. Леонтьев на лекциях студентов МГУ прямо утверждал, что души нет. Предметом психологии в советской психологической науке стала **предметная деятельность**, т. е. деятельность в предметном мире.

Следующим проектом психологии стала **личность** в гуманистической психологии. Личность выступила как субъект сознания и носитель своих побуждений. Более того, она выступила как создатель самой себя, как создатель планов и замыслов, которые следует осуществить. Это был проект, в котором впервые наиболее отчётливо проводилась идея самодетерминации человека, идея самоорганизации, автономности человеческого существа (self-made-man). Природа человека определялась тем, что он сам из себя делает, к чему стремится, кем хочет стать.

В послевоенной Европе, после увлечения фрейдизмом, идеи гуманистической психологии получили небывалую известность. Личность стала подлинным предметом психологии. Можно усмотреть аналогию между пониманием личности в гуманистической психологии и пониманием грядущей роли человека в гуманизме Возрождения. Общим было понимание свободы как основной особенности, присущей человеку. Но тогда как у Пико делла Мирандола человек выступал под эгидой Бога, как его творение, в гуманистической психологии и философии А. Камю, Ж. Моно, Ж.-П. Сартра, Э. Фромма человек, отрёкшийся от бога, обретший свободу выбора и все блага цивилизации, о которых Пико мог лишь мечтать, оказывался одиноким, заброшенным в чуждый мир, лишённым духовного начала, связь с которым давала душу. Личность оказывалась «бездушной», душе не нашлось места во всевозможных личностных структурах.

Следует сказать ещё об одном проекте предмета психологии — **изменённом сознании**, исследуемом трансперсональной психологией. Индивидуальное сознание до сих пор рассматривалось как общее, одинаковое для всех людей состояние, изменения которого трактовались как патологические (идиотия, истерия, депрессия, мания, шизофрения

и пр.) и изучались, в основном, психиатрией. Из повседневных изменений сознания наиболее известно сновидение, определённое Фрейдом в качестве «царской дороги» в бессознательное. В действительности существует множество способов намеренного изменения сознания: алкоголь, наркотики, голодание, гипноз, медитация, молитва и физические упражнения — религиозные поклоны, камлание шаманов, «крутящиеся дервиши», а также многолюдные эстрадные действия, приводящие присутствующих в экстаз.

Открытие ЛСД А. Хофманном в 1943 году обнаружило сильные галлюциногенные свойства синтетического наркотика. *«Самое большое значение для меня имело фундаментальное понимание, которое я вынес из всех своих опытов с ЛСД: то, что обычно принимают за «реальность», включая реальность собственной личности, ни в коем случае не является чем-то определённым, а скорее, наоборот, чем-то размытым — что существует не одна, а много реальностей, каждая из которых содержит в себе разное осознание собственного «Я», — писал Хофманн о своих впечатлениях³.* ЛСД открыло новую реальность, которая интенсивно стала осваиваться писателями, музыкантами, художниками («психоделическое направление»). После запрета на применение ЛСД освоение новой реальности продолжалось иными средствами (холотропное дыхание, сенсорная изоляция, медитации и пр.). Выход из обычного сознания в иные психические реальности — это и есть предмет трансперсональной (внеличностной) психологии.

Можно сказать, в контексте нашего исследования, что, проявляясь в трансперсональной психологии в иной реальности, в изменённом виде, сознание возвращается к душе, отделённой от сознания со времён Декарта. В начале XX века это проявилось в «бессознательном» Фрейда, которое противостояло сознанию, а теперь вновь вернулось в форме иной реальности, существующей наряду с реальностью обыденного существования личности, — в сновидениях, психоделических опы-

тах, переживаниях клинической смерти. Душа человека всё более приобретает черты виртуальной реальности⁴.

Нельзя не видеть во всё более призна-

ваемой психологами двойственности повседневного бытия человека, его психического существования сходства с гипотезой учёных-физиков, утверждающих существование параллельных миров. С другой стороны, это возвращение следует рассматривать как осмысление сознанием хаоса собственной души, из которого возникает порядок сознания, если воспользоваться аналогией И. Пригожина («порядок из хаоса»). Наконец, это возвращение к традициям английской эмпирической психологии, утверждавшей, что весь представляемый мир основан на опыте восприятия человека, порождающем множество представлений о мире.

Но это возвращение далеко от идиллической гармонии души и тела (каллогатии), как это понималось в древней Греции, затем в эпоху Возрождения; души и разума, сознания, как она стала пониматься позднее, в эпоху Нового времени и Просвещения. Ныне душа и сознание, отождествляемое с личностью, далеки, как никогда, в результате общественного разделения труда: душой ведаёт религия, а сознанием (в форме бессознательного, поведения, гештальта, деятельности, личности, изменённых состояний сознания) — наука, и прежде всего социально-гуманитарная наука.

При этом идеал науки представляется, в основном, по классическому картезианскому, механистическому образцу. «Механистический подход к причинности был и до сих пор остаётся чрезвычайно полезным. Он помогал нам лечить болезни, строить небоскрёбы, проектировать остроумные машины. Его сила была в том, что он объяснял естественные феномены работой по аналогии с обыкновенной машиной»⁵. Но в этих объяснениях не было души, она была не нужна, как детерминисту Лапласу — присутствие Бога в его картине мира («ненужная гипотеза»). Сейчас становится особенно ясной ограниченность данного подхода в гуманитарных науках, которые имеют предмет изучения человека, обладающего душой, а не бездушный природный объект; человека, осознающего (рефлектирующего) не только окружающий мир, самого себя, но и собственную рефлексию, своё понимание мира.

О необходимости выработки нового понимания науки, отличного от классической, её методов и критериев научности пишут многие отечественные исследователи. В настоящее время можно говорить о нескольких пониманиях научной истины и, соответственно,

³ Хофманн А. ЛСД — мой трудный ребёнок. М., 2006. 81 с.

⁴ Ильин Г.Л. Интернет-образование и виртуальная реальность // Высшее образование в России, 2004, № 10. С. 96–102.

⁵ Пригожин И.Р. Переоткрытие времени // Вопросы философии, 1989, № 8, С. 3–19.

критериях научности. Прежде всего следует назвать «картезианский идеал» науки и научной истины, основными методологическими принципами которого являются следующие положения:

- общие законы значимы для всех и всегда;
- научное знание нейтрально по отношению к этике, политике;
- субъект, сознание качественно отличны от объекта, природы, их противостояние — условие объективности познания;
- знание даёт власть над природой⁶.

Этот идеал научной рациональности представлен в работах и методах исследования Ф. Бэкона, Декарта, Галилея, Ньютона, Лейбница, Канта и других учёных и философов. Представление о природе как гигантском часовом механизме лежало в основе научного мировоззрения, которое принято называть механистическим.

Однако современная наука уже не может быть сведена к этому идеалу научного знания, научной истины. Отклонение от классического образца началось довольно давно, едва ли не с момента его формирования, в XVII–XVIII веках, когда представлениям декартовско-ньютоновской науки были противопоставлены взгляды, развивавшиеся в учениях Шеллинга, Гегеля, Гете, для которых характерно рассмотрение природы как развивающегося целого, обладающего самодвижением. То есть механистическому пониманию природы противопоставлялось мировоззрение, в основе которого были представления о природе как своеобразном живом организме. В.П. Филатов называет эту форму научного мировоззрения диалектической наукой. В свете диалектического мировоззрения научная истина выступила как «процесс развития знания, в котором достигается соответствие понятия предмету мысли». Взамен противостоянию субъекта объекту познания на первый план выдвигается их взаимодействие. Научная истина выступает как процесс и продукт такого взаимодействия. Наиболее явно это взаимодействие (объекта и субъекта познания) проявляется в социально-гуманитарных науках, где объект является иным субъектом.

В свете сказанного следует признать, что в социальном познании сложились представления о двух родах истины — объективной и субъективной: первая — независимая от человека, постигающего её, вторая, су-

ществующая в силу убеждения человека в её существовании и в силу успешности действий по её поддержанию и осуществлению. Первое понимание истины идёт от классической естественной науки, второе характерно для социальных и гуманитарных наук и форм знания, связанных с человеческой деятельностью и её продуктами. Во втором понимании истина выступает как проекция человеческого желания, замысла, проекта на окружающий мир. Эта форма истины характерна не только для социального и гуманитарного познания, и даже не только для религиозного и художественного мышления. При этом истина приобретает личный характер, личность становится носителем и выразителем истины.

Своеобразие двух видов истины, двух видов познания проявляется в различии используемых методов — наблюдение и эксперимент в естественных дисциплинах и — беседа, анкетирование, включённое наблюдение в социально-гуманитарных. Можно говорить и о методологических различиях — субъект-субъектный подход, общепринятый в современной педагогике и психологии, немыслим в естественных науках. То есть гуманитарные науки по-прежнему стремятся стать, но в действительности остаются науками иными, отличными от идеала классической науки.

Однако наблюдается встречный дрейф естественных наук к наукам социально-гуманитарным. Так, на глубокое отличие физики равновесных (обратимых) и неравновесных (необратимых, событийных) процессов указывал нобелевский лауреат И.Р. Пригожин, подчёркивая происходящий переход от всеобщих, вневременных законов к законам становления во времени, что радикально меняет представление о физике как науке. «Современная наука становится всё более нарративной (narrate [англ.] — рассказывать, повествовать). Прежде существовала чёткая дихотомия: социальные, по преимуществу нарративные науки, — с одной стороны, и собственно наука, ориентированная на поиск законов природы, — с другой. Сегодня эта дихотомия разрушается»⁷.

Классическая наука в лице последователей Декарта положила начало разделению духовного и телесного мира в Новое время, хотя такое

⁶ Филатов В.П. Об идее альтернативной науки // Заблуждающийся разум. М.: ИПЛ, 1990.

⁷ Пригожин И.Р. Переоткрытие времени. // Вопросы философии. 1989. № 8, С. 3–19.

разделение в ином виде существовало и ранее (земная и вечная жизнь в средневековом христианстве, несовершенный и идеальный мир в платонизме). Освобождаясь от пут богословия, она сумела выработать идеал познания, лежащий в основе механистического мировоззрения, однако в нём не осталось места ни богу, ни душе. Душа, если и предполагалась, но не обнаруживалась. В классической науке мир исследуется, в основном, в телесном, материальном плане. Даже рефлексия исследовалась как механизм ассоциаций, механистически. Различные направления в психологии, о которых было сказано выше, исследуют психику как предмет, подобный предметам материального мира, хотя и признают его своеобразие.

Однако уже К. Маркс, находясь под влиянием гегелевской методологии («диалектической науки», в определении В.П. Филатова), назвал человеческую историю раскрытой книгой человеческих способностей. В этом высказывании проявляется представление об активном влиянии человека на мир, изменении мира в соответствии с потребностями существования и его способностями. Мы живём в мире, созданном нашими предшественниками, их усилиями, успехами и неудачами, радостями и страданиями. Однако не только история человечества, но и история жизни личности является раскрытой книгой её способностей и возможностей. В ней выражается развитие души человека. Душа проявляется не только в поведении, в бессознательном, в гештальтах и изменениях сознания, она проявляется прежде всего в изменениях, которые стремится внести в окружающий мир и собственную жизнь, в действиях, поступках, совершаемых человеком.

Особенности излагаемых здесь взглядов определяются особым пониманием процесса становления, образования человека, формирования его души в процессе движения к образу — образцу, в соответствии с «диалектической наукой», как бы ни понимался этот образ — от Бога до Люцифера. В нашем понимании этот процесс изменяет и природу человека, и среду его обитания как форму жизнедеятельности. Движение к образу изменяет не только человека, но и образ, выступающий как процесс и продукт взаимодействия человека и идеала, к которому он стремится. Образование личности — это изменение взгляда человека на мир, его отношения к вещам и другим людям, это изменение самого человека и воспринимаемого им мира, ибо в том, как человек воспринимает

мир, и проявляется его сущность, его душа. Образование в таком понимании выступает способом формирования души человека.

Подобное представление образования человека возможно в том случае, если субъектом образования становится сам человек; это взгляд на образование с точки зрения человека, познающего и осваивающего мир. Он не только «образовывается», т. е. получает образование, но и сам образует мир — создаёт своё понимание, видение мира и место, свой путь в этом мире. Образование личности в таком понимании — это проектирование человеком своей жизнедеятельности, а сфера образования — область социальной жизни, в которой созданы условия, необходимые для этого проектирования. Такое образование получило название проективного. Непрерывность — неотъемлемое качество проективного образования.

Центральным понятием проективного образования личности является проект — замысел решения проблемы, имеющей для его носителя жизненно важное значение. Проект — это выражение, утверждение и воплощение личной истины. Проективное образование (от слова «проекция») определяется как «думать о будущем», «замышлять», «предполагать», «проектировать». Речь идёт о планах, замыслах и проектах, свойственных каждому человеку, на любой стадии его развития — стремится ли он в младенчестве, лёжа в манеже, перевернуться со спины на живот, пытается ли после школы поступить в вуз, а, став студентом, выбрать направление дальнейшей жизни или, став пенсионером, отыскать нужное, действенное лекарство от своей болезни, — всё это задачи, стоящие перед человеком, решая которые, самостоятельно или с помощью других людей, он ориентируется в окружающей действительности, приобретает знания о мире, а следовательно, образуется.

В этом понимании любое социальное действие, любая форма или способ поведения, осуществляемые впервые или в незнакомых, неизвестных условиях на собственный страх и риск, в силу внешней необходимости или по внутреннему побуждению, — всё это связано с проективным образованием личности, с проявлениями её души. Всё, что способствует решению жизненных задач, накоплению знаний о мире, о способах поведения в нём и тем самым помогает определению личности в этом мире, относится к проективному образованию личности, к развитию её души. □